

Юрий Фидельголец вспоминает: Я себя чувствовал советским человеком

Юрий Фидельголец был арестован в 1948 году по обвинению в антисоветской пропаганде и агитации и контрреволюционной организационной деятельности. Был приговорен к 10 годам ИТЛ. Инженер-строитель. В настоящее время живет в Москве.

Я родился в 27-м году в городе Москве. По Советским понятиям моя семья была вполне нормальной, далекой от политики.

я поступил, после школы, заканчивал школу в подготовительном отделении Института Стали.

И вот там я познакомился, познакомился со своими будущими поделщиками - Соколовым Валентином и с Борисом Левятовым, вот.

И нам казалось, что тут надо порассудить, что что-то не совсем ладно, может быть. Ну, мы по-своему, мы это, как бы у нас это выливалось в рассуждения чисто мальчишеские.

Что у нас, вроде бы, идеология замечательная, идеология коммунизма, а живем мы не особенно-то хорошо.

На примерах, лучших примерах русской литературы мы знали великолепно, что русская литература всегда отличалась свободомыслием, начиная с Пушкинских времен, и последними произведениями Серебряного века, вот.

И вдруг вот такие рамки, такая свирепая цензура. Ну, нам это показалось странным и мы, конечно, вот в разговорах допускали это друг с другом такую критику. Я бы сказал, что если бы мы свои разговоры и записи, которые мы делали в дневниках/, Но в основном это я делал записи эти, потом они как улика моего антисоветизма была представлена следователями в качестве обвинения.

В дальнейшем судьба моя так сложилась. Я поступил в театральное училище, а Борис Левятов и Соколов попали в армию.

Я учился и нормально так себя чувствовал советским человеком и вдруг, значит, меня, подъезжает машина, как раз я выходил с учебы, значит. «Фидельгольц?» «Фидельгольц, да». «Следуйте за нами». И, значит, приводят меня, почему-то привезли меня на легковой машине, вот, на Кропоткинскую улицу, отдел контрразведки. Я потом уже узнал, что это отдел контрразведки. А до этого мне просто вот лейтенант, который меня вез, он сказал: «Вы знаете, не беспокойтесь, мы кое-что у вас узнаем и отпустим вас. Нам только надо узнать там что-то, что касается там некоторых вещей». Ну вот. Меня ввели в следственный кабинет на первом этаже, и начался допрос. И сразу он начал ко мне подступать со страшными ругательствами матом, с унижительным таким, с унижительным тоном, унижающим мое человеческое достоинство.

Видимо я так отвечал ему, что ему не шибко это нравилось, ему не нравились мои ответы. Но я вообще действительно, что я мог ему ответить? Что я чего-то там помню? Я уж забыл все, что даже, если я что-то помнил, вот. И я был совершенно другими вопросами был занят: вопросами искусства, в театре там это, свои роли какие выучить и так далее. И то, что у меня когда-то были какие-то разговоры с Борькой и Соколовым, я уж и забыл о них.

Максимов, второй следователь, грубиян этот и уже с моими двумя тетрадками, в которых я вел записи. Я их сразу узнал. Он помахал этими/, общие тетради в черном таком, коленкоровом переплете. Вот, там я записывал свои, это когда-то я там вел дневник, а потом забросил, и они у меня лежали дома. И никто о них даже и не вспоминал. И я тоже об этих тетрадях забыл. Просто лежали где-то и все. И вот, значит, и он начал трясти передо мной этими двумя тетрадями и говорит: «Вот! Вот ты там писал. Теперь мы уже знаем, чем ты дышишь. Сплошной яд, антисоветизм. Вот Зощенко, вот Ахматова!» И начал мне там выдержки читать мои. «Ну вот. Теперь ты уже не отвертишься. Ну, вот так. И, значит, мы теперь, значит, заводим на тебя дело».

И вот составили акт и, недолго думая, меня посадили в автобусик такой военный, во дворе внутреннем, и повезли в тюрьму, Бутырскую тюрьму. Вот. Но, я могу сказать, что впечатление от Бутырской тюрьмы/, причем, значит так, везли меня два охранника и у них такой разговор был. Значит, один другому говорит: «Кого везем?» «Шпиона, наверное, ну, или антисоветчика, ну, все равно!» «А, как ты думаешь, долго он будет жить?» «Да, нет, с ними не церемонятся. Шлепнут и все». Вот так, прямо при мне, значит, такие разговорчики.

Когда привезли в Бутырскую тюрьму/. Там как раковина открывались эти ворота тяжелые мрачные, и уже я почувствовал, что, что прямо раковина захлопнулась за мной, как за каким-то червячком, который попался, вот. Там меня передали вот эти конвоиры военные, передали синим халатам. Там, значит, обслуга в то время Бутырской тюрьмы почему-то была в каких-то таких засаленных синих халатах.

Там, где меня принимали – это назывался Вокзал, т.е. там и принимали, оттуда и на этап гнали заключенных, усаживали в суд им вести, это все на Вокзале. На Вокзале находились боксы, боксы, куда меня впервые туда посадили. Бокс рассчитан был, ну там на пять, на шесть человек. Большие боксы. Все они были отделаны глазурованной такой плиткой, стеклянной, знаете, глазурованная плитка, почти до верха и очень высоко. Ну, вот. И когда меня

сунули вот в такой большой бокс, я посмотрел и на этой плитке увидел кто-то нацарапал, чем – не знаю, нацарапано так вот, видимо от руки: «Товарищ, верь, взойдет она» И я подумал: «Да, вот и я декабрист. Значит, страна получает нового декабриста, кроме вот того, кто написал» Вот так. Потом меня перевели в одиночный бокс. Одиночный бокс в отличие от этого, общего бокса, заключался в том, что там можно было только сесть и встать, как пенал.

Сколько я там находился в этом боксе, я не помню, там меня иногда выводили для того, что бы оправиться. Давали и что-то, еду какую-то давали там, в этом, в миске. Но, я помню, я ничего не ел, мне ничего не хотелось, только пил, по-моему, пил какую-то бурду, вот. И потом у меня уже притупилось тоже сознание, потому что боли были невыносимые, я окоченел там.

Потом меня повели уже другие надзиратели, по-моему, старик какой-то повел меня, тоже в синем халате, повел меня в лабораторию. Там, пианино мне сделали, это отпечатки пальцев. Замазали пальцы вот этой, такой мазью и потом, приказали, что бы я нажимал. Причем, сами надавливали с одной руки, с другой руки каждый палец, причем. А потом фотографировать стали, в профиль, в анфас, в профиль, ну, короче говоря, видик тот еще.

Я понял, что я влип по-настоящему, вот тогда, когда стали меня таким образом обрабатывать. Ну, дальше меня повели по каким-то переходам. Потом там огромное в Бутырках, я не подозревал, такое количество переходов с одного/, С одной лестницы на другую, все лестницы в сетках, потом встречные надзиратели с другими фигурами идут и брякают по пряжке ключами. Меня поворачивают к стенке носом, чтоб прошел арестант. Вот это я впервые сразу же увидел, когда меня вели вот по коридорам Бутырки, вот Бутырки. Потом меня заткнули опять почему-то в бокс. Но на этот раз бокс, - вот я впервые увидел, и это незабываемо для меня, -этот бокс назывался мягкий. Судя по всему он был рассчитан на тех людей, у которых от ареста или же в силу нервной системы там или психического состояния не все было в порядке, и они буйствовали, и поэтому, вот, их засовывали в такой мягкий бокс. Тоже рассчитанный на сидение и на стояние только, но все стены были выложены дерматином типа подушек.

Так что если бы я, например, захотел бы себя убить, ну лбом бы треснуться в стенку, я бы этого не смог сделать, ничего этого я бы с собой не сделал, потому что там все мягкое было.

И дальше уже повели наверх и раскрыли камеру, дверь такую тяжелую, обитую жостью и с кормушкой там, с глазком, со всеми этими атрибутами и сказали: «Вот, заходи. Вот койка, будешь лежать». И объяснили распорядок, что я должен делать и чего я не должен нарушать. Оказывается, значит, я должен, могу сидеть днем, но ложиться не имею права. А если я, когда, значит, отбой наступит, я должен лечь и не закрывать лица и рук, то есть руки и лицо должно быть открытым для обзора из этого волчка. Вот такие условия. За нарушение режима – карцер. Если я нарушу это. Там все строго было, вот так. Значит, пользоваться парашей, это, значит, ведро для того, чтобы оправляться. Рукомойник стоял, чтобы мыться. Ну, и приносить, мне приносили через кормушку, открывали утром, днем и вечером, открывали эту кормушку, окошечко небольшое и через, и просовывали миску с ложкой там, с алюминиевой, что бы кушать.

когда вот следствие шло, я ведь должен был только на табурете сидеть около стола, даже близко к столу этот табурет нельзя было подвинуть, на каком-то расстоянии от стола, где сидел следователь. Иногда следователь открывал окно, и этот кабинет следовательский находился наверху в Бутырках, и я слышал улицу, это окно было на улицу. И я слышал цоканье каблучков дамских, разговоры, трезвон трамваев, гудки машин, и на меня это просто действовало, ну, как музыка. А когда он закрывал форточку, все приглушено было, и я страшно был разочарован, что он закрыл форточку, мне хотелось слушать эту вот, дольше эту музыку, музыку улицы, волю эту, понимаете, как дыхание.

А потом пришел этот майор Максимов и говорит: «Ну, слушай, ты, вошь на теле нашей страны, паразит, мы же тебя изолируем от гнева народа, если бы вот я бы – говорит – тебя сейчас выпустил, тебя бы как врага народа растерзали бы все, клочков не осталось бы. Мы тебя оберегаем, скажи нам спасибо, что мы тебя оберегаем от гнева народа».

ждали мы месяца два, наверное, вот так вот, приговора. Значит, на папиросной бумаги. Там специальная форма такая. Значит, этот Юрий Львович Фидельгольц, такого-то года рождения, ну все там подробно описывается. «Имел преступный сговор и создал группу», я создал, а Левятова тоже, он создал группу, все мы создатели группы, понимаете ли.

Снится все/, периодически. Причем, даже не знаю, произвольно иногда, я даже о нем не думаю. И вдруг появляется, вдруг меня ведут, опять дают срок. И я чувствую: «Ой, Господи, я же ведь сидел. Хватит!» А меня и снова. И вот, вот это вот мучение такое жуткое. Я просыпаюсь, и потом я иногда думаю: «А может быть, вот, это вот, то, что я сейчас нахожусь, это, может, сон? А вот тот сон, который я видел – это и есть действительность». Вот такие вот смещения.

Сценарий:

Алена Козлова, Ирина Островская (Мемориал - Москва)

Оператор:

Андрей Купавский (Москва)

Монтаж:

Себастьян Присс (Мемориал - Берлин)

Йорг Сандер (Sander Websites - Берлин)

© Международный Мемориал 2011